

Лекция 2. АНТИЧНОСТЬ

Рождение истории. Логографы. В течение I тыс. до н. э. повсеместно от Европы до Тихого океана происходит становление новой – философской (религиозно-философской) – формы идеологии и осмысления мира. Как известно, этот период (VIII–II вв. до н. э.) Карл Ясперс назвал «осевым временем»²¹. В рамках этого философского взгляда на мир занимает свое заметное место также историческое (историко-философское) сознание. Впервые наиболее ярко исторический способ осмысления общественной жизни проявил себя в Древней Греции, чему, по мнению некоторых исследователей, способствовал динамизм древнегреческого общества, стремительное развитие и бурные изменения во всех сферах жизни. Появлению истории помогло и рождение принципиально нового литературного жанра «научной» прозы. В VI в. до н. э. в греческих ионийских колониях Малой Азии, на родине философии, история появилась как разновидность такой прозы. Философ Анаксимандр (ок. 610–546 гг. до н. э.) в это же время создал первую географическую карту обитаемой земли. Таким образом, возникла возможность нового метода пространственной локализации исторических событий.

Некоторые мыслители перешли от изучения природы к описанию человеческого общества. Эти древние «антропологи» впоследствии стали известны как *логографы*. Но поскольку письменных исторических источников еще не было, для такого описания, во-первых, требовался соответствующий материал (сюжеты повествования, факты и наблюдения), а во-вторых, нужно было сделать первые непростые шаги в области методологии истории. Интерпретировать устные источники и предания в литературное произведение «документального» жанра можно было, только используя приемы критики мифов и преданий. И хотя мифологические рассказы им казались уже «смешными», однако полностью оторваться от мифологии было очень сложно. Логографы наивно полагали, что исторические предания и мифы воспроизводят подлинную действительность. Поэтому их методология была еще примитивной,

²¹ Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994.

предполагалось, что для установления истины достаточно механически устранить все сверхъестественное и неправдоподобное. Заслуга логографов, таким образом, заключалась в создании первых письменных произведений об исторических событиях и явлениях жизни общества; в пробуждении интереса к историко-социальным явлениям; развитии первых методов исследования (критика мифов, хронология).

Наиболее выдающимися логографами являлись Гекатей из Милета, Харон из Лампсака и Гелланик из Митилены. Гекатей (ок. 546–480 гг. до н. э.) в своих прозаических сочинениях «Описание земли» и «Родословные» первым привлек обширный материал народного эпоса, преданий, генеалогических и мифологических рассказов, описаний путешествий и местных хроник. Его работы стали существенной предпосылкой для возникновения историографии. Гекатей старался, по возможности, устранить элемент сверхъестественного и сделать мифы и сказания «правдоподобными». Но его критика сводилась только к рационалистической и психологической интерпретации мифов, к их исправлению и сокращению. Соответственно его труды представляли собой пеструю смесь реальных фактов и вымыслов. Тем не менее это был огромный шаг вперед.

Последующие историки, в целом исходя из тех же принципов научной критики, что и Гекатей, собирали предания о народах известной грекам части земли. Логографы также внесли вклад в развитие хронологии²². Но история в их работах не была еще достаточно четко отделена от других аспектов общественной жизни, а главное – их работы не были объединены общей идеей, что в дальнейшем стало характерным для античной историографии.

«Отец истории» Геродот. Первым трудом, который стал началом подлинной историографии, традиционно и по праву считается «История» Геродота из Галикарнаса (V в. до н. э.). Произведение Геродота, условно называемое «Историей», посвящено греко-

²² Так, в своем труде «История Аттики» Гелланик, по-видимому, первым ввел новый метод хронологии, пользуясь списками жриц Геры в Аргосе и победителей на Карнейских играх в Спарте. Гелланик применял также счет по афинским архонтам (Стратановский, Г. А. Фукидид и его «История» // Фукидид. История / отв. ред. Я. М. Боровский. – М.: Ладомир, Наука, 1993. – С. 409).

персидским войнам. Этот труд был все еще достаточно разнородным по материалу. В подходах Геродота немало черт и заимствований, которые роднят его с логографами. В частности, историческое повествование в собственном смысле слова у него еще не выделено из рассказа, содержащего сведения по естествознанию, географии, этнографии, литературе. Тем не менее произведение Геродота представляет уже решительный переход от «описания земель», то есть разрозненного описания отдельных местностей и народностей, к истории в собственном смысле. Ведь в центре его внимания находится именно изложение исторических событий, объединенное общим замыслом: дать описание предыстории и истории греко-персидских войн. В чем заслуги Геродота?

1. Он сформулировал задачи истории и историка, поставив цели перед своим произведением, среди которых важнейшая – в том, «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение». Он стремился не только доставить читателям наслаждение, но и установить истину. Тем самым он открыл особую страницу в области методологии истории.

2. Геродот первый поставил в центр исторического исследования человека (а не божественные силы или мифических героев)²³.

3. Его «История» объединена общей важной проблемой – понять, почему «эллины воевали с варварами», то есть в центр своего огромного труда он фактически положил идею борьбы Востока и Запада. Отметим, что эта проблема и до сих пор не потеряла своей актуальности.

4. В его сочинении элементы исторической критики, последовательное стремление отделить достоверные факты от вымысла более совершенны, чем у логографов (хотя, конечно, в области развития критических методов его достижения не столь революционны, как в других отношениях).

²³ Такое смещение интереса потенциально создавало предпосылки для возникновения теории истории, в частности в области поиска причин исторических событий. С Геродота идея причинности событий, разрабатываемая уже давно греческой философией, становится одной из главных и в историографии. Правда, Геродот не совершил в этом отношении революционных изменений, его концепция причинности характеризуется пониманием истории, основанным на представлении о решающей роли в жизни людей неумолимого рока – Немезиды. Гораздо большего в этом плане достиг Фукидид.

Общая характеристика античной историографии. Для понимания особенностей античной историографии и связанной с ней философской мысли важно учитывать следующие моменты.

1. Это была первая в мире историография, соответственно она не могла (как, скажем, средневековая европейская) опираться на более или менее цельные образцы и достижения.

2. Греки не рассматривали историю как науку, что было вполне естественно, поскольку никаких наук в то время еще не было (и даже математика трактовалась скорее как мистическое откровение, чем как наука). На историю смотрели как на вид искусства или публицистики (недаром Клио – это одна из девяти муз)²⁴, как на своего рода разновидность художественного произведения дидактического жанра²⁵. Вот почему историки, даже такие строгие, как Фукидид, в своих историях могли легко вложить в уста исторических деятелей пространные тексты речей, которые никто не записывал, либо они вовсе никогда не произносились.

3. Роль историографии в общем контексте интеллектуальных занятий была не особенно высока, философия, риторика, не говоря уже о политике, стояли выше²⁶.

4. В отличие от Китая и средневековой Европы в античности не было прямого влияния и давления государства или какой-либо сильной корпорации на писателей²⁷. В то же время в отличие от

²⁴ При этом при сравнении важности разных искусств история могла и проигрывать. Например, в своем известном сравнении Аристотель считал, что поэзия обладает большей научностью, чем история, ибо история – простое собрание эмпирических фактов, в то время как поэзия из этих фактов извлекает выводы всеобщего характера.

²⁵ История была письменным сочинением, сходным как с литературно-публицистической прозой, так одновременно и с философскими, риторическими сочинениями и публичными выступлениями. Отметим, что близость истории с такого рода литературой сохраняется в какой-то мере и в настоящее время: потребность в хорошем слого и стиле, стремление воздействовать на читателя, в том числе и на его чувства, возможность – в отличие от других наук – основное содержание передать понятным образованному читателю языком и т. п. В постмодернизме эти (и другие, связанные с особенностями авторского дискурса) сходства литературы и истории стали подчеркиваться с новой силой.

²⁶ Об этом говорит уже то, что философские школы в античности сложились, а исторические – нет (первые исторические школы в Европе появились, по-видимому, только в период раннего Возрождения).

²⁷ Я имею в виду, конечно, организованное систематическое влияние. Иного рода влияния всегда существуют. Например, Лукиан в своем трактате об истории указывает среди причин, заставляющих историка отступать от истины, страх перед властью имущими и надежда на их расположение или вознаграждение от них.

Китай историки античности редко работали в государственных или частных архивах, да и само архивное дело не стояло на высоте.

5. В античности не было сильной идеологии (тем более ортодоксальной религии), которая задавала бы строгие рамки исследования и способствовала развитию философии истории (какую роль, например, выполняла теология истории в Средние века).

6. Однако некоторые общие философские идеи имелись и оказывали влияние на историографию и теорию истории. Античная историческая мысль тесно связана с философией и политологией²⁸.

Достоинства античной историографии и мысли об истории²⁹

1. Это была первая реальная историография, что само по себе было громадным шагом вперед. Можно также говорить о зарождении историзма, несмотря на его слабость.

2. Античные историки очень много сделали для развития методологии истории, выработали практические наставления по ее написанию (чего не было очень долго, скажем, в Средние века), разработали идеи назначения истории.

3. Исторические знания играли важную роль в развитии политической философии и политологии, других направлений общественного сознания, а также в практической интеллектуальной деятельности, применялись в политических и судебных дискуссиях.

4. Требования к истории: быть наставником читателя – вели к тому, что многие исторические труды становились глубоким произведением, которое должно было быть объединено некоей общей идеей, заставляли античных историков привлекать для объяснения причин событий философские, политические или нравственные концепции (например, идею судьбы). Это вело к значительному развитию теории истории и политической философии³⁰.

²⁸ Такие крупные историки, как, например, Фукидид, Полибий, Ливий, Плутарх, Тацит, являлись также и общественно-политическими мыслителями. В то же время серьезными историками выступали такие государственные деятели, как Цезарь, философы и политологи, как Аристотель.

²⁹ Нужно учитывать, что сильные и слабые стороны выступают слитно, поскольку недостатки перерастали в достоинства и наоборот. Кроме того, в неразвитых культурных явлениях по сравнению с развитыми всегда (естественно, с точки зрения современного взгляда) больше недостатков, чем достоинств.

³⁰ Например, целью труда Полибия было оправдание римского завоевания в глазах эллинов, он доказывал с помощью своей политической теории, что римский вариант был наилучшим. У Геродота в центре была идея борьбы Востока и Запада.

5. Творчество историков и мыслителей было более самостоятельным и свободным от давления идеологии, отсутствие жесткой традиции было слабостью, но оно же позволяло активно критиковать предшественников, что развивало метод историографии.

6. Создание представлений о всеобщей истории (в отличие от китайских историков) и определенные попытки построить такую всеобщую историю.

7. Несмотря на отсутствие историографических школ, в целом зародившееся направление историописания было продолжено и развито в течение очень длительного времени в Средиземноморье, Римском государстве и даже на Ближнем Востоке.

8. Античная историография оказала колоссальное влияние на развитие всей последующей историографии именно благодаря своим сильным сторонам, а произведения античных историков до сих пор остаются в ряду классики исторических трудов, которые не утратили своей прелести и для современного читателя.

Особенности античной истории и их влияние на методологию

Таким образом, история рассматривалась как род литературного искусства. Что же вытекало из такого взгляда на историю? С современной точки зрения, это неизбежно вело к ряду существенных слабостей (перераставших часто, как было сказано, в достоинства), в частности в области методологии истории.

Слабые стороны античной историографии.

1. Нестрогое отношение к фактам, готовность их искажать или замалчивать ради общей идеи или красот произведения, о чем будет сказано ниже.

2. Отсутствие или недостаточность преемственности в методологии и проблематике исторических и философско-исторических проблем. Этот недостаток также вытекал из взгляда на историю как на нравоучительное и полезное для воспитания общества (правителей) искусство или философию. Его следствием было то, что в античности не только не сложилось исторических школ (хотя философские школы были), но часто отсутствовала или была слаба преемственность в исторической традиции³¹. Фактиче-

³¹ Преемственность наблюдалась скорее в аспекте литературного искусства, чем в историографическом плане, в общих взглядах на назначение и роль исторических сочинений, на формы стиля, приемы изложения, некоторые жанры и т. п.

ски были отдельные историки, по-разному понимающие свою задачу, по-разному представляющие историческое прошлое читателю³². Это препятствовало постановке проблем, которые бы решались мыслителями от поколения к поколению, что только и создает традиции и возможность всестороннего исследования проблемы. Иными словами, присутствовал индивидуальный характер исторического исследования, подобно тому, как совершенно индивидуальны прозаические или поэтические произведения крупных писателей³³.

3. Отсутствие идеи всемирной истории в истинном смысле слова. Самое большее, до чего дошла античная историография, – это всеобщая история определенных периодов или – подобно тому, что делали китайские историки – полная история определенного государства, начиная с древности (такова, например, история Рима Тита Ливия). Но и это было исключением, в основном историки писали о небольших по времени периодах, современных им или представлявших близкое прошлое, а часто (особенно в доэллинистический период) описываемые события и вовсе не выходили за пределы одного города или региона³⁴.

Иными словами, по-настоящему всемирной истории в античности не было создано, такая история появляется только в Средние века (когда всеобщие истории стали правилом, и едва ли не каждая

³² Уже второй крупный историк Эллады – Фукидид – противопоставляет свои историю, подходы, метод и тему всем предшествующим историкам. Он считает, что все они, включая Геродота, сочиняют истории более изящно, чем правдиво, заботясь лишь о популярности и занимательности сведений, а не об их надежности. Фукидид заявляет, что не будет приукрашивать и преувеличивать события, и исключает из своего труда все мифическое и анекдотическое. С одной стороны, как уже сказано, такая критика развивает возможности историков, но с другой – и метод Фукидида так же легко отбрасывается другими, в результате чего возможность двигать вперед историографию в целом не реализуется.

³³ Как говорит Коллингвуд (1980: 28–29), такое произведение невозможно ни улучшить или подвергнуть критике, ни включить в более широкое целое, поскольку оно напоминает произведение искусства, нечто, обладающее уникальностью и неповторимой индивидуальностью статуи или поэмы. Иными словами, был недостаточным базис, на основе которого историки следующего поколения могли бы строить собственное исследование.

³⁴ Последнее вытекало из полисного характера общественной жизни греков и римлян до определенного периода. Как указывает В. И. Кузищин, хотя античная историография знает блестящие примеры всеобщих или региональных историй, однако преобладающим был интерес к локальным историям отдельных полисов или группе полисов. Факты мировой истории группировались вокруг событий конкретного центра, будь то история Афин, Лаконики, Рима или какого-либо другого государства (Кузищин 1980: 13–14).

из них начиналась в самом прямом смысле от Адама). Тем не менее по мере того, как историческая сцена расширялась, естественно, расширялись и представления греков и римлян. Большой сдвиг в мировоззрении произошел, в частности, в результате завоеваний Александра Македонского (конец IV в. до н. э.), когда огромная ойкумена предстала как единый эллинистический мир. Следующий шаг в развитии истории был связан с крушением эллинизма в связи с римскими завоеваниями (II в. до н. э.), тогда родилась всеобщая история Полибия³⁵. Новый этап изменений в мировоззрении произошел уже в поздней античности, когда под непрерывным натиском варваров рушилась казавшаяся вечной Римская империя и был завоеван сам «вечный город». Именно тогда и рождается первая концепция по-настоящему всемирной истории в трудах первых христианских философов IV–V вв. н. э., которые, будучи еще по-античному образованными, положили начало новой средневековой историографии.

4. Слабость античного историзма проистекала из некоторых философских установок, например представления о том, что в обществе, как и в природе, происходит постоянный кругооборот. Коллингвуд отмечал, что античные историки не умели представить никакого явления (личности) в процессе его становления и развития, оно у них появлялось уже сразу практически готовым, в зрелом виде (таким выглядел, в частности, в истории Тита Ливия город Рим уже с самого его основания).

Зарождение философии и теории истории. Можно ли говорить о складывании философии истории в античности? А. Ф. Лосев в монографии «Античная философия истории» приходит к выводу, что философия истории в античности находилась в стадии становления. Действительно, ни одной сколько-нибудь завершенной сис-

³⁵ В построениях Полибия можно увидеть своего рода отражение глобализации средиземноморского мира II в. до н. э. Полибий исходит из того, что хотя события истории всегда соединены между собой некой внутренней связью и взаимно обуславливают друг друга, ранее эти связи были не столь очевидными, и поэтому большинство историков их либо не замечали, либо оставляли без должного внимания. Полибий неоднократно говорит, что в его время сцепление событий стало намного заметнее, и оно начало глобальным образом определять исторический процесс. Такое сцепление событий историк связывает со сближением политических интересов римско-карфагенского Запада и греко-македонского Востока.

темы взглядов на философию истории в античности не было, в лучшем случае идеи об обществе включались в общую философскую систему (как, например, у Аристотеля или Лукреция Кара)³⁶. В то же время в античности существовало в довольно развитом виде то, что можно назвать политической и социальной философией (условно – политологией), в той или иной мере связанной с вопросами философии истории.

Тем не менее можно вычленить определенный пласт идей и проблем, которые относятся к философии истории: направленного исторического развития; всеобщего космического порядка (логоса, закономерности), влияющего на ход истории; конфликта между необходимостью, которая воплощена в «судьбе», тяготеющей над людьми, и их собственной активностью и др.

Циклический круговорот. Одна из общих или очень распространенных идей античной философии заключалась в том, что разумный порядок в природе поддерживается путем постоянного возвращения вещей к прежнему состоянию без развития (по типу вечного круговорота небесного свода)³⁷. А поскольку общество в целом рассматривалось как часть природного порядка, то формируется представление о круговороте общественных явлений и форм. Можно даже говорить о распространении циклической теории развития, согласно которой в результате завершения каждого цикла развития происходит превращение одних общественных форм в другие, пока весь круг превращений не будет пройден и процесс не начнется заново. Отсюда слабость античного историзма. Часть античных философов придерживалась идеи сосуществования несовершенных и преходящих земных форм и идеальных совершенных вечных форм, противопоставляя вторые первым³⁸.

³⁶ «Античные мыслители чрезвычайно скупы в своих рассуждениях об историческом развитии. Здесь действительно трудно обнаружить ясные и прозрачные учения ввиду почти полного отсутствия их в античности, и поэтому приходится интерпретировать разные области античной мысли, так или иначе связанные с проблемами историзма» (Лосев 1977: 22).

³⁷ «Все возвращается на круги своя» – идея, вообще свойственная древней философии.

³⁸ Эти идеи были особенно глубоко разработаны Платоном, а в иной интерпретации – Аристотелем. Это отражало греческую традицию «осмыслять мир, прибегая к помощи архетипических принципов... наклонность к выявлению в хаосе жизни проясняющих все универсалий» (Тарнас, Р. История западного мышления. – М.: Крон-пресс, 1995. – С. 9).

Фатализм и идея судьбы. Античные авторы были склонны к фатализму исходя из того, что судьба всего на свете предначертана еще до совершения событий. Правда, само понятие судьбы (рока, фатума) существенно изменялось, оно было часто столь многозначным, что во многих случаях выступало не столько как реальная причина, в которую верит историк, сколько как признание им сложности понимания причинно-следственных связей³⁹.

Идея направленных изменений. Как уже было сказано, философия истории во многом выросла из мифологии. В поэме Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.) «Труды и дни» хорошо видна эта связь. Согласно Гесиоду, на земле последовательно сменяли друг друга золотой, серебряный, медный, героический и, наконец, железный века. При этом с каждым веком нравы и условия жизни людей ухудшались. Говоря современным языком, Гесиод рисует регрессивное развитие человечества. Если в золотой век люди жили беззаботно, и «сами собой урожай давали богатые земли», то постепенно из-за того, что со временем люди стали заносчиво обращаться друг с другом и перестали почитать богов, усилились вражда, эгоизм, жадность и зависть, жизнь людей, их нравы все ухудшались. Эта концепция веков, или возрастов исторического развития человеческого общества, сохраняла свою популярность в течение всей античности, несмотря на свою пессимистичность.

Идея прогресса в античности, однако, тоже имела распространение⁴⁰. В частности, так можно интерпретировать взгляды римского поэта и философа Лукреция Кара (I в. до н. э.), изложенные им в поэме «О природе вещей»⁴¹. В отличие от Гесиода и большинства

³⁹ Например, Полибий более 120 раз упоминает о судьбе в сохранившихся частях своего сочинения, часто вкладывая очень разный смысл в словоупотребление.

⁴⁰ Но идеи «прогресса» и «регресса» могли своеобразно сочетаться в творчестве одного и того же автора. Так, например, другая поэма Гесиода – «Теогония» – обладает, несомненно, уже вполне прогрессивным характером. Таким образом, одна гесиодовская концепция гласит о всеобщем падении, развале и нарастающей всеобщей злобе, а другая – о победе разума над неразумными стихиями и торжестве благоустроенного Космоса над безличным и дисгармоничным Хаосом. Говорить здесь о цельной философии истории затруднительно (см.: Лосев 1977: 24–25).

⁴¹ В этой поэме Лукреций Кар излагает в собственной интерпретации взгляды греческого философа Эпикура. Поэма посвящена прежде всего описанию явлений природы и только частично касается общественных явлений: происхождения и развития языка, религии, государства, культуры и различных изобретений.

античных авторов он считает первоначальное состояние человечества не золотым веком, а периодом дикости. Основу прогресса Лукреций Кар видит в необходимости трудиться из-за нужды (особенно в жилище, огне и одежде), важным фактором выступает также «разум пытливый». В ходе этого процесса возникают язык, государство и право (происхождение которых философ объяснял договором людей). В то же время он вовсе не удовлетворен состоянием дел в современном ему обществе и страстно протестует против насилия, наживы, роскоши и других социальных язв.

Философско-исторические идеи Лукреция не ограничивались только идеей прогресса. Он намечает принципиально новую периодизацию истории (конечно, основанную на абстрактных идеях), которая в будущем, в частности в XVIII в., станет популярной. Он представляет, что люди прошли три этапа: от охоты и собирательства к скотоводству и затем к земледелию. Ценными являются и его взгляды на движущие силы истории. Он один из немногих, кто при объяснении причин хода человеческих дел пытался обойтись без вмешательства богов. Мало того, само происхождение религии он объясняет вполне понятными вещами: сновидениями, мощью природных сил и страхом людей перед ними (эти идеи были заимствованы и развиты просветителями XVIII в.). У Лукреция также можно найти элементы историзма, в частности овладение огнем и образование семьи он считает важнейшим шагом на пути от дикости к культуре.

Взгляды на причины и движущие силы истории. Причины исторических и общественных изменений были постоянной темой античных историков и мыслителей, которые заметили многоуровневость причинности и поняли, что за лежащими на поверхности ответами о причинах событий часто стоят более глубокие и сложные. Например, достаточно сложную иерархию причин выстраивает Фукидид (460–400 гг. до н. э.), один из самых аналитических историков античности. В своем знаменитом труде «История Пелопонесской войны» он также отмечает необходимость разделять причины и повод для войны. «Объективную» причину войны он фактически видит в тайной борьбе политических сил, приведших Элладу к болезненному кризису. Некоторые историки пытались

разработать методы анализа таких цепочек причин. В частности, Полибий (200–120 гг. до н. э.) в своей «Всеобщей истории» утверждал, что события истории соединены между собой некой внутренней связью и взаимно обуславливают друг друга. Поэтому для правильного понимания хода исторических событий необходимо владеть приемами углубленного анализа причинно-следственных связей. Эту причинно-следственную связь Полибий определяет как соединение причины, предлога или повода и непосредственного начала событий, чаще всего военных действий. Эта последовательность звеньев причинно-следственной цепи, по мнению историка, является неизменной⁴².

Античные историки и философы выделяли определенные движущие силы исторического процесса как конкретных государств, так и (реже) исторического процесса в целом. Так или иначе, они выдвинули целый ряд важных для понимания хода истории причин, которые условно можно разбить на группы⁴³.

1. Материальные и социальные факторы, роль институтов.

Выше уже было сказано, что Лукреций Кар выделял нужду и изобретения как двигатель развития. Географ Страбон и Полибий отмечали значение географических условий. Достаточно часто результат событий объясняется особенностями государственного устройства. Так, Полибий объясняет успехи Рима его наиболее удачным государственным строем. Иногда движущей силой считали социальную и политическую борьбу. Например, автор «Римской истории» Аппиан (II в. н. э.) среди важных причин гражданских войн I в. до н. э. выделял борьбу за земельную собственность⁴⁴.

⁴² См.: Тызгов, А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» / Полибий // Всеобщая история. Т. I / ред. А. Я. Тызгов. – СПб.: Наука; Ювента, 1994. – С. 19.

⁴³ Надо понимать, что в основном эти идеи представляют собой разрозненные или попутные замечания, хотя у отдельных авторов те или иные причины могут быть рассмотрены более обстоятельно (но не системно). Поэтому у античных авторов можно найти самые разнообразные высказывания или дать им соответствующие интерпретации. Исследователь идеи прогресса Роберт Нисбет, например, в числе пяти главных предпосылок исторических идей, прослеживаемых от античности до наших дней, выделяет и идеи важной роли экономического и технологического роста, а также ценности научных и иных знаний (Nisbet, R. History of Idea of Progress. – N. Y., 1980. – P. 317).

⁴⁴ Ф. Энгельс считал, что «из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах Римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и отчетливо, из-за

Некоторые мыслители, например Платон, указывали на значительную роль демографического давления, создающего малоземелье и вызывающего войны⁴⁵.

2. Психологические, моральные и духовные причины. Ряд историков, таких как Саллюстий, Тацит и Плутарх, большое внимание уделяли психологическим причинам событий, нередко объясняя их результат психологией и особенностями участвовавших в них лиц. Они также использовали портретные характеристики как средства изображения исторических эпох. Это позволило античной историографии добиться больших успехов в развитии биографической истории. Среди наиболее известных историков такого жанра надо прежде всего отметить Плутарха (ок. 45–127 гг. н. э.), автора сравнительных жизнеописаний выдающихся деятелей (их биографии объединены попарно: в каждой паре один греческий и один римский деятель).

Римские историки подчеркивали роль высоких нравов предков и объясняли упадок государства моральным упадком государственных деятелей. Например, «История» Тацита сплошь состоит из примеров политических «пороков» и «добродетелей».

3. Роль личности. Деятельность личностей – один из самых важных исторических факторов, причем вполне очевидных. Примеры выдающихся полководцев и государственных деятелей, добившихся потрясающих успехов (таких как Александр Македонский) или, напротив, проигравших (как Ганнибал или Пирр), никого не могли оставить равнодушными. Неудивительно, что ряд историков, особенно тех, кто работал в жанре биографии, как Плутарх, придавали большое значение роли отдельных исторических личностей и воле выдающихся деятелей.

4. Особенности человеческой природы. Фукидид был одним из тех, кто рассматривал человеческую природу как неизменную. Психологические факторы, моральные и социальные качества, заложенные в человеческой натуре, являются для него последними

чего она, в конечном счете, велась: из-за земельной собственности» (Маркс, К., Энгельс, Ф., Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 312).

⁴⁵ Любопытно, что в одном из диалогов Платона высказывается такая мысль: «А кто виновник войн, мятежей и битв, как не тело и его страсти? Ведь все войны происходят ради стяжания богатств, а стяжать их нас заставляет тело...»

причинами событий. Он даже полагал, что эти неизменные свойства не зависят от племени, рода и пола, а являются свойствами человеческого вида вообще, поэтому могут быть причиной повторяемости исторических судеб государств и народов. Фукидид подчеркивал прежде всего отрицательные качества человека: стремление угнетать окружающих, склонность к честолюбию, корысти, властолюбию, которые, по его представлению, могли объяснить причины многих политических и военных событий истории. Из положительных качеств он выделял любовь к свободе. Согласно психологической природе человека действуют и коллективы людей (например, народное собрание, войско), поэтому за всеми историческими событиями можно видеть рациональное, логическое начало. Начиная с античности, попытки объяснить историческое развитие общими свойствами человеческой природы становятся важным направлением философии истории⁴⁶. Поэтому труд Фукидида оказал большое влияние не только на античную мысль, но и на историков Нового времени⁴⁷.

Среди тех, кто считал человеческую природу неизменной, а ее свойствами объяснял причины событий, можно также указать римского историка Тацита (пессимизм в отношении природы человека способствовал его историческому скептицизму).

Идея божественного вмешательства в дела людей. Таким образом, впервые в истории мысли мы видим в античности активный поиск реальных и глубоких причин исторического развития и их иерархии, послуживший важной отправной точкой для развития теории истории в период Возрождения и Нового времени. Но из-за сложности социальных явлений (непознанной и сегодня), неразвитости науки и особенностей античной философии, в целом склонной к пессимизму, античные мыслители-историки не сумели освободиться от признания ведущей, в конечном счете, роли сверхъестественных и непостижимых сил. Поэтому в отношении движущих сил истории существовала двойственность. Как указывает В. И. Ку-

⁴⁶ Например, в средневековой мысли «первородный грех» и слабость человека были постоянным объяснением многих явлений, а борьба добра и зла, «бога» и «дьявола» в человеческой душе представлялась важнейшим источником развития.

⁴⁷ Особенно в отношении идеи неизменности человеческой природы как причины законов истории.

зищин, с одной стороны, какая бы причина или группа причин исторических событий ни выдвигалась тем или иным античным историком, все они в конечном итоге склонялись к признанию последней причины исторических событий, часто отождествляемой с понятием судьбы, высшей слепой необходимости, которой подчиняются даже боги и которую невозможно познать. Но, с другой стороны, применительно к античной историографии в целом можно говорить о том, что важнейшими движущими силами истории являются не божественное вмешательство, а причины вполне земные, также могло добавляться стихийное сцепление ряда частных и конкретных причин⁴⁸. Особенностью такого взгляда в античности являлось то, что тут не было ни характерной для Ближнего Востока примитивности, ни тотального провиденциализма Средних веков⁴⁹.

Соответственно своему индивидуальному мировоззрению историки и мыслители придавали разное значение роли высших сил. Так, у Геродота едва ли не все исторические процессы направляются высшей властью, которая определяет действия как народов, так и отдельных индивидов (хотя и у него иногда присутствует указанная двойственность в оценке причин событий). Зато такие историки, как Фукидид и Тацит, редко обращаются к сверхъестественному элементу, року или вмешательству богов.

Политическая и социальная философия. Многие греческие мыслители и историки придавали большое значение изучению государства и его различных форм, взаимоотношениям между государствами, причинам подъема и упадка разных держав, чему способствовали огромное число эллинических государств и частая смена их форм правления⁵⁰. В отличие от Ближнего Востока государство

⁴⁸ Например, Тацит в одной из книг размышляет над проблемой: «определяются ли дела человеческие роком и непреклонной необходимостью или случайностью», приводя также различные взгляды на этот счет.

⁴⁹ Действительно, античные боги могли только помочь или помешать человеческим замыслам и делам, а христианский бог заранее создавал «сценарий» событий и выбирал для него «актеров» из смертных людей.

⁵⁰ Причем чем более подвижным делался древний мир под влиянием социальных и политических столкновений, тем настойчивее доискивались античные авторы смысла происходящего в его связи с прошлым. Об особенностях государственного строя и демократии Древней Греции и Римской республики см. также: Гринин, Л. Е. Раннее государство и демо-

и законы в Древней Греции рассматривались не как божественные установления, а как институты, созданные самим человеком и призванные служить его интересам. Вот почему в Греции сложилась политическая философия и, по сути, политология. Наиболее цельными и завершенными политическими теориями выступают взгляды Платона (428–348 гг. до н. э.), Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) и Полибия. Политическая теория римских мыслителей была существенно слабее (среди римлян стоит упомянуть Цицерона, о взглядах Лукреция Кара уже сказано выше), но в Риме в отличие от Греции большое развитие получило юридическое направление мысли.

Политико-правовым вопросам посвящены самые крупные диалоги Платона – «Государство» и «Законы». Платон создает образ «идеального», по его мнению, государства, в котором у власти находятся философы, а все жители разделены на три разряда, или класса, со строго регламентированными правами и обязанностями: правители-философы, воины, земледельцы и ремесленники. Важнейшая задача государства состоит в воспитании граждан и контроле над их образом жизни. Строй государства Платона очень напоминает государственный коммунизм, тем более что для двух высших сословий Платон устанавливает общность имущества и быта. По сути, он открывает направление социально-политического утопизма (возродившегося в XVI в.)⁵¹.

Политическое учение Платона оказало большое влияние на последующее развитие политико-правовой идеологии, в частности на взгляды Аристотеля и ряда других мыслителей⁵². Произведение крупнейшего и едва ли не самого универсального философа антич-

кратия // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л. Е. Гринина и др. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 337–386.

⁵¹ Взгляды Платона оказали прямое воздействие на теоретиков утопического коммунизма, в частности платоновский проект общности имущества не был оставлен без внимания Т. Мором и Т. Кампанеллой. Согласно Платону, прежде всего никто не должен обладать никакой частной собственностью, если в том нет крайней необходимости. Затем ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий. Можно напомнить также, что К. Поппер рассматривал взгляды Платона в ряду важнейших теорий «закрытого общества». Причем первый том своего произведения он так и назвал – «Чары Платона» (Поппер, К. Открытое общество и его враги. – Т. 1: Чары Платона. – М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992).

⁵² Например, Цицерон (106–43 гг. до н. э.), подражая Платону, написал два произведения с теми же названиями: «О государстве» и «О законах».

ности Аристотеля «Политика» представляет собой своего рода собрание связанных между собой рассуждений (трактатов) на политико-социологические темы. Другое произведение, «Политии», – это описание устройства (конституций) греческих полисов. Из них до нас дошла только «Афинская полития», которая одновременно есть и история государственного развития Афин.

Главную задачу политической теории Аристотель видел в поиске совершенного устройства государства (полиса). С этой целью он подробно разбирает существовавшие формы правления, их недостатки и причины государственных переворотов. Аристотель создал классификацию форм государственности, выделив шесть типов: *монархия, аристократия, полития, тирания, олигархия и демократия*⁵³. При этом он исходил из двух признаков: 1) число правящих государством лиц (Аристотель выделяет правление одного, немногих и большинства); 2) какую цель в государстве они преследуют. Согласно этой цели, им выделяются *правильные и неправильные государства*. Правильные – те, где верховная власть преследует цели общего блага граждан; неправильные – те, где правители руководствуются интересами личной выгоды. К правильным типам Аристотель относит монархию, аристократию и политию; к неправильным – тиранию, олигархию и демократию⁵⁴. В олигархии власть принадлежит богатым, в демократии – неимущим. Это в одинаковой степени плохо, так как олигархия усугубляет существующее неравенство, а демократия чрезмерно уравнивает богатых и простой народ, а в результате все это ведет к социальной и политической неустойчивости⁵⁵. Политические симпатии Аристо-

⁵³ Здесь он, по-видимому, опирался на разработанную Платоном в диалоге «Политик» классификацию государств. Платон выделил формы государства, основанные на законе. По его словам, монархия, аристократия и демократия опираются на закон, тогда как тирания, олигархия и извращенная демократия управляются вопреки существующим в них законам и обычаям.

⁵⁴ Демократией, по Аристотелю, следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией – такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения, образующих меньшинство.

⁵⁵ Коренная причина политической неустойчивости, мятежей и смены форм государства заключается в отсутствии надлежащего равенства. Богатые и неимущие, указывал философ, составляют две враждующие части любого государства, так что в зависимости от перевеса той или иной стороны устанавливается и соответствующая форма правления.

теля – как видим, не без веских оснований – на стороне смешанной формы правления, возникающей из сочетания олигархии и демократии⁵⁶.

Политические (как и философские) теории Аристотеля оказали огромное влияние на последующих мыслителей⁵⁷. На идеи Аристотеля опирался, в частности, автор «Всеобщей истории» Полибий. Исходя из популярных в греческой философии идей круговорота, он разработал, пожалуй, самую законченную в античности теорию циклического круговорота смены форм политического устройства общества⁵⁸. Развитие общества в ней трактуется как движение по кругу, в ходе которого «формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются». Теория Полибия одновременно выступает и циклической теорией исторического процесса, поскольку смена политических форм происходит не сама собой, а всегда связана с политическим и социальным противостоянием, борьбой, переворотами. Согласно его концепции, каждый цикл-кругооборот включал в себя последовательную смену всех шести аристотелевских форм правления: от монархии до господства черни. При этом происходит чередование типов правления по числу лиц у власти, а также смена правильных и неправильных форм. Сначала возникает монархия, ее сменяет тирания; затем тирана свергают, и устанавливается господство лучших – аристократия, которая постепенно вырождается в олигархию; народ свергает олигархов, и устанавливается демократия, которая перерождается в худший тип устройства – охлократию (господство черни). После этого начинается новый цикл, так как толпа, совершенно одичав, снова обретает себе властителя и самодержца. И все повторяется сначала. Преодолеть круговорот политических форм, однако, по

⁵⁶ По мнению некоторых исследователей, новым в теории Аристотеля было то, что он попытался свести все многообразие государственных форм к двум основным – олигархии и демократии. Их порождением или смешением являются все остальные разновидности власти (см.: История политических и правовых учений 2002: 55–56).

⁵⁷ В частности, в политическую идеологию Средневековья и Нового времени перешли аристотелевская классификация форм государства, его положение о причинах смены политических состояний, смешанном государственном устройстве.

⁵⁸ Он исходил из того, что, подобно живым организмам, всякое общество проходит состояния возрастания, расцвета и, наконец, упадка. В этом моменте нетрудно заметить сходство с теориями цивилизаций позднего XIX – начала XX в.

его мнению, все же возможно, если установить смешанную форму государства, сочетающую начала монархии, аристократии и демократии, чтобы каждая власть служила противодействием другой⁵⁹. Именно в Риме Полибий и видел реальное воплощение такого смешанного правления⁶⁰. Это давало ему основание – во многом верное – объяснять причины могущества Римской державы, покорившей «почти весь известный мир», превосходством ее строя.

Методология античной историографии

Назначение истории и отношение к фактам. Как уже было сказано, перед историком всегда стоит проблема: что, как и для кого описывать. Если для античности было характерно понимание истории как «наставницы жизни», то понятно, что от историка требовалось не беспристрастное и объективное исследование, а интерпретация исторических событий в определенных целях, прославление того или иного героического прошлого, пробуждение у читателя благородных и возвышенных стремлений. Стремление доказать свою мысль, погоня за красотами стиля, а также пристрастность в отношении описываемых событий вели к тому, что большинство историков очень часто опускали неблагоприятный для их замысла материал, в то же время подбирая без особой проверки факты, даже сомнительные сведения, развивающие их идею исследования⁶¹.

Только некоторые историки, такие как Фукидид, считали тщательную проверку фактов важным делом⁶². Большинство же исто-

⁵⁹ Тут можно увидеть прообраз идеи разделения властей, появившейся у просветителей XVIII в.

⁶⁰ В Риме, по его мнению, были представлены все три основных элемента: монархический (консулат), аристократический (сенат) и демократический (народное собрание).

⁶¹ См., например: Кузищин 1980. Впрочем, не критическое отношение к фактам имело и объективные причины. В античности не было правильно поставленной архивной службы, и историки лишь эпизодически и случайно использовали документальный материал. Они нередко были вынуждены пользоваться слухами, устными рассказами, неточными переводами местных жрецов, критическая проверка которых часто была затруднена или невозможна. Все это препятствовало развитию строгого подхода к источникам и их научной обработке, но, с другой стороны, античные авторы и не ставили серьезной цели развития источниковедения.

⁶² Фукидид вообще отличался от других историков своими методами поиска данных, недаром считают, что его труд во многом явился вершиной исторической мысли древнего мира. Правда, это доказывает, что античная историография качественно, в частности в методологии и способности добывать данные, не росла, ее развитие заключалось частично

риков и века спустя после Фукидида писали, «заботясь лишь о популярности и занимательности сведений, а не об их надежности». Изредка такие подходы, правда, подвергались критике. Очень ярко такая критика звучала, например, у Полибия, который считал, что большинство историков злоупотребляют драматическими эффектами и риторическими приемами. История, в его понимании, не должна носить праздный, развлекательный характер, предназначенный позабавить досужего читателя. Напротив, она должна быть «прагматической», то есть полезной государственным деятелям; ее задача – научить, как нужно поступать в тех или иных обстоятельствах в будущем, аналогичных или сходных с произошедшими в прошлом. Почти через 300 лет после этого выдающийся философ и публицист Лукиан (II в. н. э.) в трактате «Как писать историю» говорит об истории как о науке, основанной на точных фактах и не нуждающейся ни в каких вымыслах, мифах, гиперболических выражениях и риторических украшениях. Он разоблачает методы историографии, которые не считаются с фактами, и тех историков, которые заменяют факты риторически-поэтической фантазией, в противоположность здравому подходу к ним писателей периода классики – Фукидида и Ксенофонта. Однако такого рода взгляды являлись все же исключением⁶³.

Ограниченность методов и краткость описываемых периодов. Как уже было сказано, в античности, по сути, не было ни строгой преемственности в исследовании, ни поступательного развития исторического метода. Однако некоторые требования подразумевались. В отличие от современности, где любой получивший соответствующую квалификацию человек может стать историком любого периода и общества, античные историки считали, что историк должен много путешествовать и либо сам быть участником событий, либо по меньшей мере должен посетить места событий и беседовать с очевидцами. Такие требования в принципе подразумевали написание сочинения только на тему событий, близких по времени

в попытках приблизиться к созданию всемирной истории, частично – в создании истории длительных периодов, а также в расширении тематики и жанров сочинений.

⁶³ Мало того, как пишет, например, А. И. Немировский: «Разумеется, Лукиан не мог бы назвать ни одного из реально существовавших историков, которые бы удовлетворяли всем его требованиям» (Немировский 1986: 297).

писателю. Вот почему основное количество историков, даже таких выдающихся, как Фукидид, Ксенофонт, Тацит, предпочитало исследовать сравнительно небольшие исторические периоды – максимум несколько десятков лет (а часто и весьма ограниченное географическое пространство)⁶⁴. Если же некоторые историки (как Геродот или Помпей Трог) и давали своего рода более широкую историческую и географическую панораму событий, то в отношении качества и достоверности фактологического материала такие части сильно уступали тем, где автор мог опираться на свидетельства очевидцев.

Метод описания коротких периодов истории, которые, по выражению Р. Коллингвуда, могли быть поняты и осмыслены путем опроса живых свидетелей, был мастерски освоен греками и римлянами. Однако это требование ставило колоссальные препятствия для развития историографии, сильно сужало ее рамки. Это было одной из причин того, что уже второй крупный историк античности – Фукидид – достиг возможной в рамках существующего метода вершины исторического исследования⁶⁵.

Таким образом, все историки вплоть до Тита Ливия (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) изложение событий (иногда за исключением вводной части) ограничивали сравнительно небольшим временным отрезком. В принципе то же относится и к попыткам охватить большое историческое пространство. Среди немногих, кто пытался это сделать, можно указать Геродота, Эфора, Полибия, Посидония, Помпея Трога. Полибий развил методологию истории, выдвинув требования того, что история должна охватывать события, происходящие в разных частях мира, причем стараться описывать их син-

⁶⁴ Даже и у Полибия (который тоже был согласен, что историк должен опираться на свидетельства очевидцев) основной период его «Всеобщей истории» охватывает меньше 80 лет (между 220 и 146 гг. до н. э.). С двумя первыми вводными книги представляют собой «введение» ко всему сочинению и охватывают события с 264 по 220 г. до н. э., весь период составляет 120 лет!

⁶⁵ Исследователи считают, что величайшей заслугой Фукидида как историка является привлечение им в своем труде документальных источников (текстов договоров, официальных постановлений и других документов), установление хронологии (по афинским архонтам, спартанским эфорам и жрицам Геры в Аргосе), а также применение открытого им гениального метода реконструкции прошлого путем обратного заключения на основании рудиментов («культурных пережитков») (см.: Стратановский, Г. А. Указ. соч. – С. 428–429).

хронно. Но его подходы за редким исключением не только не были развиты, но и фактически не восприняты⁶⁶.

Римская историография. С Полибием эллинистическая традиция исторической мысли перемещается в Рим. Оригинальное ее развитие происходит в трудах Тита Ливия, который поставил перед собой масштабную задачу – создать полную историю Рима с момента его основания. Римское государство на рубеже нашей эры переживало сложные времена: требовалось создать новую идеологию. Новые задачи и цели исследования, которые поставил Ливий, способствовали и развитию нового историографического метода. В отличие от своих предшественников, описывающих прежде всего современные или близкие к ним события, а более далекие события относящих к введению, в основной части труда Ливий описывает отдаленные от него эпохи. Главная задача Ливия – собрать предания ранней римской истории и сплавить их в единый связный рассказ, в историю Рима. Таким образом, труд Ливия представлял собой творческую, объединенную одной идеей компиляцию исторического материала⁶⁷. Предприятие такого рода, как задумал Ливий, осуществлялось впервые, и оно стало образцом на долгие века. В методе Ливия было много недостатков, тем не менее его труд остался уникальным. Эпоха Римской империи, по определению Коллингвуда, не была периодом интенсивного и прогрессивного развития мысли. Римляне сохраняли интерес к истории, но масштабы его сужались. Никто из них никогда не обратился снова к задаче, поставленной Ливием, и не попытался решить ее лучше, чем он.

Среди последующих римских историков видное место занимает Публий Корнелий Тацит (ок. 56 – ок. 117 гг. н. э.). Тацит использовал новый подход к истории – психолого-дидактический, по сути,

⁶⁶ Одним из исключений был Посидоний (ок. 135 – ок. 51 гг. до н. э.), продолживший вслед за Полибием работу над всеобщей историей (он довел ее до 80-х гг. до н. э.), который дал объяснение мировой истории как процесса, происходившего в разных местах, независимых друг от друга, по единому плану. От его труда остались лишь фрагменты.

⁶⁷ Как образно пишет Коллингвуд, Ливий последовательно применяет метод «ножниц и клея», то есть некритически, а иногда тенденциозно соединяет информацию или целые куски из разных произведений. Прием, нехарактерный для античности, где предпочитали живые свидетельства, но ставший в Средние века и позже исключительно распространенным вплоть до появления научных методов историографии (и сосуществующих с ними).

его произведения представляют риторическую историю из примеров политических «пороков» и «добродетелей». Он внес громадный вклад в историческую литературу. Однако его работам уже не свойственен размах Полибия и Ливия. Славу Тациту принесли два произведения: «История», которая описывала жизнь Рима и империи последней трети I в. н. э., и «Анналы», посвященные предшествующим десятилетиям этого века⁶⁸. Во взглядах Тацита исследователи отмечают определенную раздвоенность. С одной стороны, он понимает, что империя естественно сменяет отжившие порядки республики, но с другой – нравы императорского Рима ввергают его в отчаяние и пессимизм. Императоры в его книгах рисуются не только как государственные деятели, утверждающие величие империи, но и как кровавые тираны, которые, опираясь на грубую силу, на доносчиков и продажных магистратов, губят лучших людей государства. Вот почему представители абсолютизма видели в сочинениях Тацита наставления монархам, а революционно настроенные деятели – обличителя тиранов и сторонника республики.

Таблица

ИСТОРИКИ И МЫСЛИТЕЛИ АНТИЧНОСТИ

Автор	Даты	Страна	Название произведения
1	2	3	4
Гесиод	VIII–VII вв. до н. э.	Греция (Беотия)	«Труды и дни»
Гекатей	Ок. 546–480 гг. до н. э.	Греция (Милет)	«Описание земли»
Геродот	Род. 490–480 гг. до н. э. – ум. 430– 424 гг. до н. э.	Греция (Афины и др. полисы)	«История»
Фукидид	460–400 гг. до н. э.	Греция (Афины)	«История Пелопонесской войны»
Платон	428–348 гг. до н. э.	Греция (Афины)	«Государство»
Аристотель	384–322 гг. до н. э.	Греция (Афины)	«Политика»

⁶⁸ Очень известна также его работа «Германия», которая является одним из важнейших источников сведений о германских народах этого периода.

Окончание табл.

1	2	3	4
Полибий	200–120 гг. до н. э.	Греция (Аркадия), Рим	«Всеобщая история»
Лукреций Кар	Род. ок. 99–95 гг. – ум. 55 г. до н. э.	Римская республика (римский поэт и философ)	«О природе вещей»
Тит Ливий	59 г. до н. э. – 17 г. н. э.	Римская республика, ранняя империя	«Римская история от основания города»
Плутарх	Ок. 45 – ок. 127 гг. н. э.	Ранняя Римская империя (греческий историк из Беотии)	«Сравнительные жизнеописания»
Тацит	Ок. 56 – ок. 117 гг. н. э.	Ранняя Римская империя (римский историк)	«История»
Лукиан	Прибл. 120–125 – после 180 гг. н. э.	Римская империя (греческий философ и писатель из Самосаты)	«Как писать историю»
Аммиан Марцеллин	Ок. 330 – ок. 400 гг. н. э.	Поздняя Римская империя	«Деяния»

«Последний римский историк» – Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 400 гг. н. э.) – писал в IV в., в эпоху поздней империи, и, образно говоря, герой его истории – Империя⁶⁹. Он сторонник язычества и императора Юлиана Отступника, пытавшегося возродить язычество в Риме. Как и предшествующие ему историки (Саллюстий, Ливий, Тацит), он пытался объяснить упадок империи порчей нравов стоящих у власти людей. Таким образом, римской историографии не удалось выйти за рамки морализаторской интерпретации исторического процесса.

Рекомендуемая литература

Барг, М. А. 1987. *Эпохи и идеи: Становление историзма*. Гл. 1. М.: Мысль.

Илюшечкин, В. П. 1996. *Теория стадийного развития общества: История и проблемы*. Гл. 1. М.: Вост. лит-ра.

⁶⁹ Его работа продолжала повествование Тацита с 96 г. н. э., но, как это было типично для античных историков, основная часть произведения (и практически все дошедшие до нас книги) была посвящена событиям, современным Марцеллину (353–378 гг. н. э.).

История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. Гл. 3, 4. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

Коллингвуд, Р. Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. Ч. 1. М.: Наука.

Кузицин, В. И. (ред.) 1980. *Историография античной истории*. М.: Высшая школа.

Лосев, А. Ф. 1977. *Античная философия истории*. М.: Наука.

Немировский, А. И. 1986. *Рождение Клио: у истоков исторической мысли*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.

Рассел, Б. 1994. *История западной философии*. Т. 1. Кн. 1. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.

(Продолжение – лекции 3 и 4 – в следующем номере.)